

Цуй Чжи расхохотался. Из глаз его брызнули слезы — настолько нелепым он себе казался. Столько лет слепо верить Фань Сюэпину, окружать его заботой и покровительством, пока тот, кто действительно был ему дорог, терпел обиды и страдания.

Из-за этой пресловутой «благодарности» он приблизил Фань Сюэпина к себе, позволял называть другом и закрывал глаза на его наглые нападки на Хэ Сюэчжэня.

Из-за нее же он демонстративно не вмешивался в их ссоры и бросал Хэ Сюэчжэня один на один с непосильными заботами о делах ордена.

Из-за нее он забрал Первозданную пилюлю — бесценную реликвию, оставшуюся от деда Хэ Сюэчжэня, чтобы исцелить раны Фань Сюэпина. И тем самым толкнул Сюэчжэня на край бездны, заставив их обоих сгореть в одном пламени.

Он-то мнил Фань Сюэпина невинной душой, а пригрел на груди ядовитую змею.

Но куда больше он ненавидел себя. Свою спесь, свою холодную гордыню!

Это из-за собственного высокомерия он не снизошел до объяснений, позволив Хэ Сюэчжэню поверить, будто его сердце отдано Фань Сюэпину. Из-за высокомерия отказывался признать, что по уши увяз в любви, бежал от собственных чувств. Будь он хоть каплю мягче, прояви хоть немного тепла — они никогда не дошли бы до того страшного финала!

Безумный хохот Цуй Чжи заставил всех оцепенеть. Ни заклинатели из семьи Сыту, ни его собственные соклановцы никогда не видели молодого главу в столь диком отчаянии.

В толпе испуганно зашептались:

— Да что с ним такое? Цуй Чжи так пылал любовью к Фань Сюэпину, даже Лозу Цветущей Весны готов был отдать. Ну приписал тот себе чужую заслугу — бывало и похуже, чего так беситься?

Хэ Сюэчжэнь молча наблюдал за этой сценой, чувствуя, как в душе поднимается сложная смесь чувств. В прошлой жизни вся преданность Цуй Чжи Фань Сюэпину целиком держалась на вере в то, что тот спас ему жизнь. Узнать теперь, что спасителем на самом деле был совсем другой человек... Такое кого угодно выбьет из колеи.

Сюэчжэнь и сам не подозревал, насколько бесстыдно Фань Сюэпин присваивал чужие подвиги. В прежней жизни он и подумать не мог, что тот хвастался именно этой спасенной жизнью, — полагал, что Фань Сюэпин как-то иначе выручил Цуй Чжи. Знай он тогда правду, это глупое недоразумение разрешилось бы гораздо раньше.

Цуй Чжи рванул Фань Сюэпина вверх, мертвой хваткой вцепившись ему в горло. Пальцы

неумолимо сжимались. В безумном взгляде Цуй Чжи не было жалости, но голос звучал пугающе тихо и ровно:

— Я не верю ни единому твоему слову, Фань Сюэпин. Мне сейчас очень больно. Знаешь, мне кажется, если ты сдохнешь, мне станет немного легче. Как думаешь?

Фань Сюэпин судорожно забился в его руках, пытаясь вымолить пощаду, но пережатое горло не пропускало ни звука.

Хэ Сюэчжэнь изумленно приподнял брови.

«Что вообще происходит? Фань Сюэпин ведь был для Цуй Чжи дороже всех на свете. Неужели обычная ложь могла заставить его решиться на убийство?»

Но Цуй Чжи не шутил. Он действительно собирался лишить его жизни.

Сыту Мин затаила дыхание, с надеждой глядя на них: если Цуй Чжи задушит этого негодяя, ее месть свершится чужими руками. Остальные члены клана Сыту сгрудились за спиной Сыту Хэншаня, гадая, переступит ли молодой глава Цуй черту. Сам же Сыту Хэншань не сводил глаз с задыхающегося Фань Сюэпина. Он ждал. Он знал, что Хэ Чуншань не позволит убить сына...

Внезапно Сыту Хэншань резко подобрался.

Началось!

Поляну мгновенно затопила удушливая черная мгла. Заклинатели со слабым самосовершенствованием ослепли, погрузившись во тьму, но опытный Сыту Хэншань успел заметить, как темный вихрь устремился к Цуй Чжи и Фань Сюэпину. Рванувшись вперед, он задействовал защитный артефакт и высвободил божественное чувство, пытаясь нащупать присутствие Хэ Чуншаня. Но черная дымка оказалась коварной: его духовное восприятие вязло в ней, словно в болоте, не находя отклика.

А смертоносный удар Хэ Чуншаня уже настиг цель!

Остальные в панике бросились врассыпную, спасаясь от бушующих волн духовной энергии.

Схватка мастеров длилась лишь мгновение. Когда пыль улеглась и туман рассеялся, на опустевшей поляне остались лишь двое: один стоял, другой лежал ничком. Стоящим оказался Цуй Чжи. На земле же без сил распростерся Сыту Хэншань.

Хэ Чуншань и Фань Сюэпин бесследно исчезли.

Сыту Хэншань, тяжело дыша и зажимая грудь рукой, медленно поднялся. Он исподлобья взглянул на Цуй Чжи и процедил:

— Молодой глава Цуй... Воистину, подрастает опасное поколение.

Старейшины клана Сыту обступили его, наперебой расспрашивая о случившемся.

Сыту Хэншань лишь глухо ответил:

— Сюда прорвался Хэ Чуншань и унес Фань Сюэпина.

В пылу недавней суматохи, когда они вдвоем должны были противостоять Хэ Чуншаню, Цуй Чжи улучил момент и подставил Сыту Хэншаня под удар, а сам благополучно отступил. Старый лис Сыту Хэншань, славившийся своей изворотливостью, и подумать не мог, что окажется одурачен столь молодым соперником. Злоба душила старейшину.

Впрочем, Цуй Чжи действовал расчетливо. Во время недавнего искажения ци он перебил немало людей Сыту. Если бы Сыту Хэншань сегодня пошел на конфликт, выбраться живыми с этой поляны у клана Цуй не хватило бы сил. Пришлось чужими руками ослабить опасного врага.

Сыту Мин поспешила поддержать дядю под руку и со злостью выдохнула:

— Неужели мы так просто отпустим Фань Сюэпина?!

— Хэ Чуншань связался с демонами и сам подписал себе приговор. Фань Сюэпину тоже недолго осталось коптить небо, — Сыту Хэншань глухо закашлялся и двинулся к своим ученикам.

Цуй Чжи повернулся к Хэ Сюэчжэню. Его рука скользнула в рукав одеяния и после недолгого колебания извлекла шпильку из Лозы Цветущей Весны. Голос Цуй Чжи звучал хрипло, почти просяще:

— Сюэчжэнь... Прими эту шпильку. Пожалуйста.

Он слегка взмахнул рукой, и окутанный мягким сиянием артефакт медленно поплыл по воздуху к Хэ Сюэчжэню.

У заклинателей Сыту при виде Лозы Цветущей Весны загорелись глаза. Цуй Чжи тут же одарил их ледяным, обещающим расправу взглядом:

— Если почтенные господа из клана Сыту до сих пор заглядываются на Стеклянного Золотого Льва или нашу Лозу, то Цуй с радостью преподаст вам еще один урок прямо здесь!

Сыту Хэншань и его старейшины помрачнели. Семья Сыту бросила на это дело лучшие силы, но так и не смогла сломить возрождающийся клан Цуй. Ввязываться в новую драку означало нести бессмысленные потери. Даже если бы они победили, обескровленный клан Сыту навсегда вылетел бы из списка великих семей.

Эту горькую обиду придется затаить до лучших времен. Но когда придет час, они вернут долг сторицей!

Хэ Сюэчжэнь лишь небрежно махнул рукой, отправляя шпильку обратно:

— Я уже говорил. Мне ничего от тебя не нужно.

Цуй Чжи вымученно улыбнулся:

— Да... Разве можно искупить мой долг перед тобой какой-то жалкой побрякушкой?

Он сжал пальцы, в которых лежало сокровище. В его глазах отразилось бесконечное раскаяние, смешанное с глухим отчаянием:

— Но раз она не нужна тебе, то и мне она без надобности.

С этими словами он высвободил духовную силу. Раздался легкий треск — и бесценная шпилька из Лозы Цветущей Весны обратилась в серую пыль!

— Небеса...

— Какое безумие! Какое святотатство!

— Да если она вам не нужна, отдали бы нам! — запричитали заклинатели Сыту, с болью наблюдая за тем, как сквозь пальцы Цуй Чжи струится бесполезная пыльца. Им самим хотелось разрыдаться! Это же Лоза Цветущей Весны, легендарное сокровище природы! И парень уничтожил его без секундного колебания! Ну отказался Хэ Сюэчжэнь, пускай, но можно ведь было подарить им! Они бы не побрезговали чужим подарком, честное слово!

Разжав ладонь, Цуй Чжи позволил ветру развеять прах великого артефакта. Развернувшись, он повел уцелевших сородичей обратно в Бездну Спокойных Вод.

Супруги Фань незаметно скользнули прочь еще во время неразберихи. Хэ Сюэчжэнь тоже

призвал свой меч и взмыл в небо.

Прошло несколько недель с тех пор, как Фань Сюэпин бежал вслед за Хэ Чуншанем в Демонические земли. Лишь оказавшись на месте, он с удивлением осознал, что его отец здесь вовсе не полноправный хозяин. Ему приходилось беспрекословно подчиняться воле таинственного Владыки Демонов.

Самого Владыку Фань Сюэпин ни разу не видел. Все дни он проводил взаперти в выделенной отцу резиденции, усердно осваивая темные техники. И хотя его совершенствование росло не по дням, а по часам, жизнь в плену тяготила его. Демоны косились на пришельца с презрением, и о прежней лести, тешившей его безмерное тщеславие, не шло и речи.

Фань Сюэпин исходил злобой. Он без конца винил отца: зачем было бросать почетный пост главы Школы Наполненных Созвездий и бежать в эту глушь, чтобы пресмыкаться перед нечистью? Сердце его разрывалось от тоски по сытым, благополучным годам в родной школе.

Хэ Чуншань прекрасно видел недовольство сына, но и его собственное положение было незавидным. Сговариваясь с Владыкой Демонов, он рассчитывал подмять под себя весь мир заклинателей, а в итоге превратился в послушного слугу. Встречая лишь пренебрежение от коренных обитателей Демонических земель, Хэ Чуншань мрачнел с каждым днем, и капризы Фань Сюэпина его совершенно не заботили.

Однажды, приняв маскирующую пилюлю — благо Хэ Чуншань не чета его приемным родителям и не скупился на духовные камни, — Фань Сюэпин тайком выбрался в мир смертных, чтобы развеяться и послушать, о чем толкует люд в чайных домах.

Все вокруг только и обсуждали недавнюю кровавую битву между кланами Цуй и Сыту. Никто не ожидал, что увядающий род Цуй осмелится бросить вызов столь грозному противнику, да еще и прикончит трех его старейшин. Поговаривали, что прежнему величию великих орденов приходит конец.

Фань Сюэпин слушал эти разговоры, скрежеща зубами. Этот Цуй Чжи безумен! Ну соврал он малость, ну приписал себе чужую славу — неужели даже ради великой любви к Хэ Сюэчжэню стоило душить его до полусмерти? В прошлый раз пальцы Цуй Чжи едва не переломили ему шею.

Вскоре сплетники перешли на самого Фань Сюэпина, осыпая его имя язвительными насмешками.

— Этот Фань Сюэпин — редкая тварь, — ухмылялся один из посетителей. — Глава Цуй чуть не придушил мерзавца на месте. Жаль, Хэ Чуншань вовремя подоспел и утащил выродка.

— Пойдите, а про Хэ Чуншаня слышали? — вмешался другой заклинатель. — Старейшина нашей Школы Наполненных Созвездий объединился с главами великих родов. Они скинулись ценнейшими артефактами и высекли на Стеле Небесного Дао Указ о Преследовании! Тому, кто принесет голову предателя Хэ Чуншаня, достанутся все эти сокровища. Да что там сокровища — старейшина Хэ готов уступить победителю свое кресло Верховного старейшины школы!

Слушатели дружно ахнули. Потрясающая щедрость! Указ на Стеле Небесного Дао скрепляется клятвой перед самими небесами; награды уже запечатаны в стеле, и обмануть исполнителя невозможно.

— Но Хэ Чуншань засел в Демонических землях. Кому под силу до него добраться?

— Хе-хе, я знаю одного человека, у которого точно получится.

— И кто же это?

Фань Сюэпин, пригубивший чарку с чаем, весь обратился в слух.

— Да его собственный сынок, Фань Сюэпин! Перед родной кровью старик бдительность потеряет. А у младшего Фань рука не дрогнет — он родного дядю с теткой без жалости сжил со свету. Ему ничего не стоит зарезать папашу, вернуться в орден и занять кресло старейшины!

— Полно тебе, у парня клейма негде ставить. Неужто старейшины школы примут такого Верховным?

— А у них выбора нет! Пост заложен на Стеле Дао. Стоит Фань Сюэпину занять эту должность, и он окажется на самой вершине. Даже если безумцы Сыту захотят свести старые счета, школе придется защищать своего старейшину.

В душе Фань Сюэпина что-то дрогнуло.

Верховный старейшина... Пусть это и не вожденное место главы школы, но власть эта должность давала колоссальную. Даже действующий глава будет вынужден заискивать перед ним! А безумная девка Сыту Мин и родственнички из семьи Сыту умоются кровью — школа укроет его за своими стенами.

Но...

Фань Сюэпин быстро осадил себя.

Хэ Чуншань мало того что был его отцом, его духовные силы превосходили силы сына во много крат. Малейший промах — и он сам отправится на тот свет.

Срок действия маскирующей пилюли истекал. Фань Сюэпин поспешил назад, к границам Демонических земель.

Резиденцию Хэ Чуншаня охраняли лишь низшие демоны. Проскользнув мимо них, Фань Сюэпин напрямиком направился во внутренний двор отца.

Толкнув резную дверь, он застал Хэ Чуншаня за чтением послания с нефритовой пластины. Завидев сына, тот поспешно спрятал артефакт в рукав.

Фань Сюэпин сощурился от подозрения:

— Отец, что это ты там читал?

Хэ Чуншань вспыхнул от гнева, маскируя неловкость:

— Ты еще вздумай меня допрашивать! Опять бездельничал весь день? Снова шатался где попало вместо тренировок? Посмотрел бы на Хэ Сюэчжэня — и сравнил с собой!

Сравнения с ненавистным Хэ Сюэчжэнем в последнее время сыпались на Фань Сюэпина без конца. Не выдержав, он огрызнулся:

— Если Хэ Сюэчжэнь такой золотой, что же ты не вернешься к нему?!

— Думаешь, я не хочу?! — вскричал Хэ Чуншань. — Да только теперь уже поздно...

Осекшись на полуслове, старик обреченно махнул рукой и вздохнул:

— Ладно, пустое это. Лучше займись делом и укрепляй каналы ци. В последнее время у границ Демонических земель так и выются ищейки из орденов. Владыка предупредил: скоро начнется большая война.

Развернувшись к выходу, он бросил на ходу:

— Мне нужно явиться к Владыке Демонов с докладом. Иди тренируйся.

Хэ Чуншань спешно покинул покои. Фань Сюэпин задумчиво посмотрел ему вслед. Паника, с которой отец прятал нефритовую пластину, не давала ему покоя. Старик явно что-то недоговаривал.

Хэ Чуншань вошел в главный зал дворца и низко поклонился восседавшему на троне мужчине.

Тот был бледен, худ и невзрачен лицом, но в его прищуренных глазах таилась пугающая сила. Это был сам Лин Сюэси, Владыка Демонических Земель, чьи силы были подорваны в великой битве вековой давности. Именно его удар когда-то поразил Чжао Чжэньчжэнь, из-за чего Хэ Сюэчжэнь родился с демоническим ядом в крови. И багровый сгусток в духовном море Хэ Чуншаня был лишь малой частью его зловещей воли.

— Есть ответ от Чжао Чжэньчжэнь? — безжизненным голосом спросил Лин Сюэси.

Хэ Чуншань помрачнел:

— Она твердит одно и то же. Требуется, чтобы я прикончил Фань Сюэпина и приполз к ней на коленях вымаливать прощение. Лишь тогда она, возможно, сжалится.

— В ее духе — вздорная баба, — презрительно фыркнул Лин Сюэси. — Тебе и не нужно выполнять ее условия. К чему эта кислая мина, будто ты уже хоронишь сына? Посули ей золотые горы, притворись раскаявшимся мужем, готовым на все ради возвращения. Уж этому-то мне тебя учить не надо! Твоя задача — переманить ее на нашу сторону как можно скорее.

— Слушаюсь, Владыка, — Хэ Чуншань склонил голову.

Мысль о том, что даже здесь, среди демонов, ему приходится пресмыкаться перед ненавистной женой, вызывала у него глухую ярость. Но выбирать не приходилось.

Вспомнив кое-что важное, он добавил:

— Владыка, новая война на пороге. Силы старейшин великих орденов нам известны, но среди них объявился один таинственный заклинатель.

Хэ Чуншань подробно описал незнакомца под маскирующей пилюлей, чьи силы он так и не смог разгадать во время недавней стычки с главами орденов.

— Те демонические семена, что вы дали мне... Я внедрил их в тела нескольких старейшин, но этот человек сумел без труда извлечь их. Похоже, его познания о нашей природе выходят далеко за рамки обычного.

Лин Сюэси задумчиво прищурился:

— Так глубоко знать наши тайны могли лишь те старики, что погибли в Бездне Спокойных Вод сто лет назад... Неужели кто-то из них выжил и теперь затаился в тени?

В этот самый момент «выживший старик» — Хэ Сюэчжэнь — помогал Чжао Чжэньчжэнь составлять ответное послание.

Получив второе письмо от Хэ Чуншаня, Чжао Чжэньчжэнь считала его духовным зрением и с усмешкой обратилась к сыну:

— Гляди-ка, он и правда готов прирезать Фань Сюэпина и приползти с повинной. Все точь-в-точь как ты предсказал!

Хэ Сюэчжэнь спокойно улыбнулся:

— Лин Сюэси обожает расставлять ловушки и вербовать шпионов среди заклинателей. Было бы глупо не воспользоваться его же оружием против него самого.

Когда Чжао Чжэньчжэнь впервые получила слезное письмо от непутевого супруга, ее сердце давно остыло. Она лишь брезгливо передала нефритовую пластину сыну. Хэ Сюэчжэню хватило одного взгляда, чтобы разгадать замысел Владыки Демонов: тот рассчитывал сыграть на остатках женской привязанности и превратить Чжао Чжэньчжэнь в предательницу. Разумеется, Сюэчжэнь ухватился за эту ниточку. Он велел матери потребовать голову Фань Сюэпина в обмен на прощение.

Но истинная его цель крылась гораздо глубже. Ему не было дела до раскаяния отца; его настоящей мишенью был сам Фань Сюэпин.

Глубокой ночью, укрывшись покровом тьмы, Фань Сюэпин воровато проскользнул в свои покои. Едва заперев дверь, он бросился к постели и вытащил из-за пазухи украденный нефритовый свиток.

В последние дни Хэ Чуншань вел оживленную переписку. Сегодня, получив очередное послание, старик так и просиял. Чувствуя недоброе, Фань Сюэпин дождался, пока отец уснет, и выкрал пластину.

На этой пластине хранились все отправленные и полученные письма. Фань Сюэпин принялся читать их с самого начала — с первых робких заверений отца в любви к брошенной жене. С каждым прочитанным словом его конечности леденели от ужаса.

Собственный отец собирался принести его в жертву ради мира с Чжао Чжэньчжэнь! В последнем письме черным по белому было написано: как только вспыхнет война, Хэ Чуншань подстроит Фань Сюэпину «несчастный случай» прямо на поле боя!

Хэ Сюэчжэнь безупречно рассчитал каждый шаг, зная эгоистичную природу Фань Сюэпина. Тот, кто сам без колебаний предал и сгубил родных людей ради собственной выгоды, с легкостью поверил, что и отец способен на подобное. Попытайся кто-то со стороны открыть ему глаза, Фань Сюэпин заподозрил бы неладное. Но эту «тайну» он раскрыл сам, и непомерное самомнение ослепило его.

Вернув нефритовый свиток на место, Фань Сюэпин принял страшное, беспощадное решение.

Предсказание Лин Сюэси сбылось с пугающей точностью. Спустя несколько месяцев союзы заклинателей объявили поход на Демонические земли, провозгласив своей целью уничтожение предателя Хэ Чуншаня. Со времени прошлой войны минул век, но боль утрат все еще горела в сердцах выживших. Война вспыхнула мгновенно, превратившись в жестокую, бескомпромиссную бойню.

На границах двух миров разверзся ад. Недалеко от передовой заклинатели возвели укрепленный Военный лагерь, где обосновались сильнейшие мастера орден.

Хэ Чуншань стремительно вошел в тронный зал, встревоженно докладывая:

— Владыка, эти проклятые заклинатели бьют без промаха. Они знают каждую нашу уловку. Не прошло и месяца, а мы потеряли уже половину воинов!

Лин Сюэси недовольно нахмурился:

— Очевидно, им помогает тот неизвестный мастер, о котором ты говорил. Пустое. Я лично разберусь с ним, когда придет время. А пока... пусть глупая баба Чжао Чжэньчжэнь сослужит нам службу.

— Слушаюсь! — на губах Хэ Чуншаня заиграла жестокая усмешка. Уж теперь-то он заставит Чжао Чжэньчжэнь кровью умыться за все прежние унижения!

Следуя намеченному плану, Хэ Чуншань отправил весточку жене с требованием пробить брешь в обороне Военного лагеря, чтобы демоны могли нанести внезапный удар.

Вскоре от Чжао Чжэньчжэнь пришел условный сигнал: путь свободен. Разрушив сигнальную бабочку, Хэ Чуншань собрал отряд преданных демонов. Он заметил стоявшего неподалеку Фань Сюэпина, но после минутного колебания решил оставить его в лагере.

— Сюэпин, оставайся здесь и приглядывай за тылом. У меня срочное дело.

Фань Сюэпин исподлобья взглянул на него и тихо спросил:

— Отец отправляется на встречу с Истинным человеком Паньюнь?

— Откуда тебе... — Хэ Чуншань осекся. Этот секретный план Владыки не должен был знать

никто. Догадавшись, что сын все-таки запустил руку в его тайники, он вспыхнул от ярости: — Ах ты паршивец! Совсем страх потерял! Жди меня здесь, вернусь — шкуру спущу!

Сам Хэ Чуншань лишь разыгрывал спектакль перед женой, полагая, что сын поймет его маневр. Но Фань Сюэпин истолковал эти слова по-своему: он решил, что по возвращении отец приведет смертный приговор в исполнение. Лицо юноши исказила мрачная, зловещая гримаса.

Управляя мечом, Хэ Чуншань во главе небольшого отряда летел по указанному Чжао Чжэньчжэнь коридору. Путь действительно оказался свободен от патрулей. Но стоило им приблизиться к палаткам Военного лагеря, как перед ними выросла непреодолимая невидимая стена.

В то же мгновение с небес ослепительным дождем пролились полтора десятка ярких вспышек, отрезая демонам пути к отступлению. Впереди всех выступил Чжао Доучун, чей голос прогремел над поляной:

— Хэ Чуншань! Неужели ты всерьез поверил, что Чжэньчжэнь простит тебя? Сегодня твой путь оборвется здесь!

Хэ Чуншань огляделся. Дворцовый владыка Янь из Дворца Двойного Блеска, глава Му из Школы Стремящихся к Небесам, Чжао Доучун, Сыту Хэншань... Почти все великие мастера Поднебесной собрались здесь, чтобы загнать его в ловушку.

Предательство жены не застало его врасплох — напротив, он сам рассчитывал на такой исход. Но то, с какой легкостью Чжао Чжэньчжэнь вычеркнула их общее прошлое, оставило горький осадок в его душе. Хэ Чуншань злобно усмехнулся:

— Рано празднуете победу, господа! Вы все примчались ловить меня, но подумали ли о том, кто сейчас защищает остальные подступы к вашему лагерю?

Лицо дворцового владыки Яня мгновенно побледнело. Он обменялся тревожными взглядами с соратниками и приготовился повернуть назад, но Хэ Чуншань лишь расхохотался:

— Я столько времени унижался перед этой девкой, чтобы выманить вас из укрытия! Неужто вы думаете, что я отпущу вас так просто?!

С этими словами он подбросил в воздух загадочный предмет. Тот стремительно увеличился, превратившись в гигантскую призрачную шахматную доску с пересечениями линий. Сеть накрыла поляну. Владыка Янь попытался уйти на мече, но сколько бы он ни летел, призрачные ориентиры двигались вместе с ним, удерживая внутри барьера.

— Это же «Шахматная доска Неба и Земли», артефакт Лин Сюэси! — выкрикнул кто-то в толпе.

— Именно! — торжествующе воскликнул Хэ Чуншань. — Теперь каждый из вас — лишь пешка в моей игре!

Взмахнув руками, он заставил Чжао Доучуна и Сыту Хэншаня сойтись в яростной схватке. Их тела двигались помимо воли, послушные невидимым нитям марионеточника. На этой призрачной доске они превратились в белую и черную фигуры, вынужденные биться насмерть.

Хэ Чуншань упивался своей властью. Одним движением пальца он переместил владыку Яня на соседнее пересечение линий, зажав Чжао Доучуна в тиски. Натиск на лидера Чжао мгновенно возрос.

Хэ Чуншань фальшиво вздохнул:

— Какая жалость! Похоже, черную фигуру сейчас съедят!

Чжао Доучун скрежетал зубами от ярости и бессилия. Сдерживая совместный натиск двух сильнейших мастеров, он чувствовал, как бушующие потоки ци разрывают его меридианы.

— Впрочем, так не пойдет, — протянул Хэ Чуншань. — Если черные падут, белые победят слишком быстро. А мне нужно, чтобы из этой ловушки никто не выбрался живым.

И он бросил на помощь Чжао Доучуну главу Му.

Его замысел был предельно прост: поддерживать равенство сил до тех пор, пока обе стороны полностью не истребят друг друга.

Но в этот момент с небес скользнул силуэт на мече, и прохладный голос оборвал триумф марионеточника:

— Какая бездарная игра.

Запертые заклинатели воспрянули духом:

— Почтенный старший! Почтенный прибыл!

Хэ Чуншань прищурился, мгновенно узнав незваного гостя. Это был тот самый таинственный мастер, что спас старейшин Школы Наполненных Созвездий от демонических семян и лишил Кровавого Циня его Кровавой жемчужины!

Этого наглеца Хэ Чуншань ненавидел больше, чем Чжао Доучуна и всю семью Чжао вместе взятых.

Он процедил сквозь зубы:

— Снова ты? Отлично! Раз уж ты сам пришел сложить здесь голову, я с удовольствием приму твой скромный дар.

Под личиной незнакомца скрывался Хэ Сюэчжэнь. Он спокойно парировал:

— Примешь дар? Из твоих рук? Хэ Чуншань, неужели ты думаешь, что заняв центральную точку — звезду Тэньюань, — ты сам перестал быть пешкой?

Хэ Чуншань побелел как полотно. Этот юнец с одного взгляда раскусил главный секрет «Шахматной доски Неба и Земли»!

Каждый, кто ступал на эти призрачные линии, становился частью игры. Даже тот, кто призвал артефакт.

Опустившись неподалеку, Хэ Сюэчжэнь уверенно скомандовал:

— Владыка Чжао, глава Му, нападайте на главу Сыту! Сыту Хэншань, прими удары и не вздумай сопротивляться! После трех атак фигура Сыту будет «съедена» и выведена из-под чужого контроля. Лишь тогда мы сможем переломить ход партии!

Хэ Чуншань задрожал от ярости.

Сыту Хэншань колебался, но видя, что Чжао Доучун безропотно подчиняется указаниям таинственного спасителя, выкрикнул:

— Этот тип прячет лицо! Что если он ошибается и мы просто подставим шеи под удар?!

— Это все равно лучше, чем медленнодохнуть в Шахматной доске Неба и Земли! — отозвался владыка Янь. Он прекрасно помнил ужасы столетней давности. Тогда на призрачной доске погибли десятки великих старейшин. Марионетки верили, что единственный путь к спасению — убить своего оппонента, и выжимали остатки духовных сил, истребляя друг друга ради призрачного выживания.

Этот способ спасения в прошлой жизни нашел Цуй Чжи, когда они вместе оказались заперты в Шахматной доске Неба и Земли. Он рассудил: если хозяин артефакта стоит в границах поля, значит, он подчиняется тем же законам. К тому же Хэ Чуншань не сдвинулся ни на шаг с самого начала битвы. Его удерживала уникальная, ключевая точка.

На любой доске такое место лишь одно — центр, звезда Тэньюань.

Чжао Доучун и глава Му нанесли три точных удара по Сыту Хэншаню. Едва приняв последний выпад, старик кубарем вылетел за пределы призрачной сетки. Оказавшись вне игры, он полностью освободился от чужой воли и теперь мог атаковать самого кукловода!

Увидев, что метод работает, Чжао Доучун и глава Му быстро вывели из игры владыку Яня. Тот мгновенно присоединился к Сыту Хэншаню, обрушив всю мощь своих техник на Хэ Чуншаня.

Хэ Чуншань отчаянно пытался задействовать оставшихся марионеток, но когда тайна доски была раскрыта, заклинатели действовали слаженно. Спустя пару вдохов шквал совместных атак сбил Хэ Чуншаня с ног, заставив его покинуть звезду Тэньюань.

Шахматная доска Неба и Земли начала стремительно сжиматься, пока окончательно не растаяла в воздухе.

Хэ Чуншань, отплевываясь кровью, бросил на Хэ Сюэчжэня взгляд, полный жгучей ненависти. Снова он! Почему этот проклятый выскочка вечно ломает его планы?!

Ему хотелось разорвать Сюэчжэня на части, даже ценой собственной жизни, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Спасая шкуру, Хэ Чуншань рванулся прочь.

Остальные заклинатели с криками бросились в погоню. Смерть Хэ Чуншаня сулила гору редких артефактов и почетный пост Верховного старейшины школы — перед таким искушением мало кто мог устоять. Лишь Хэ Сюэчжэнь не торопился. Он лениво скользил на мече следом за толпой. Все шло в точности по сценарию его прошлой жизни. С той лишь разницей, что теперь рядом с ним не было Цуй Чжи.

Тогда Хэ Чуншань точно так же пытался раздавить их «Шахматной доской Неба и Земли», точно так же трусливо бежал от разъяренных преследователей и точно так же...

— Хэ Чуншань! Прими смерть! — летевший впереди владыка Янь настиг беглеца и метнул в него сверкающий золотой диск. Раздался глухой удар, и предатель рухнул на землю без движения.

Заклинатели приземлились и обступили поверженное тело. Осмотрев его, они завистливо уставились на сияющего владыку Яня.

Глава Му процедил с плохо скрываемой досадой:

— Кто бы мог подумать, что слава достанется Дворцу Двойного Блеска. Примите поздравления, старейшина Янь. Школа Стремящихся к Небесам склоняет голову перед вашей удачей.

Пост Верховного старейшины Школы Наполненных Созвездий мало чем уступал власти самого главы. Расклад сил в Поднебесной менялся на глазах.

Сыту Хэншань кусал губы от досады. Будь его воля, он бы усадил в это кресло Хэ Сюэчжэня — названного брата своего племянника Сыту Ни. Тогда, считай, вся Школа Наполненных Созвездий оказался бы под влиянием клана Сыту! Мысль о том, что такая власть ускользнула из рук, ранила его старое сердце до слез.

Но Хэ Сюэчжэнь лишь молча направил свой меч в сторону, прочь от ликующей толпы.

Он знал: в прошлой жизни Хэ Чуншань проделал тот же трюк. Используя Марионетку-Двойника, он оставил преследователям фальшивку, а сам скрылся в лесной чаще.

Поскольку Фань Сюэпин когда-то обучился технике Марионетки-Двойника, он наверняка раскрыл ее секрет отцу. Так что удивляться мастерству Хэ Чуншаня не приходилось.

Но Хэ Сюэчжэня было не обмануть этой фальшивкой.

У самых границ Демонических земель Хэ Чуншань наконец позволил себе перевести дух. Но стоило ему опуститься на траву, чтобы залечить раны, как из-за деревьев бесшумно сошел Хэ Сюэчжэнь. Хэ Чуншань застыл от ужаса.

Призыв двойника забрал остатки его духовных сил. Сейчас он был слаб, и даже заурядный заклинатель мог прикончить его одним ударом.

Именно в этот момент с неба опустился еще один силуэт.

— Сюэпин! — выдохнул старик.

Фань Сюэпин приземлился позади отца. Его лицо было скрыто в тени, голос звучал приглушенно:

— Отец, я успел вовремя?

На глазах Хэ Чуншаня едва не выступили слезы облегчения. В этот отчаянный миг сын оставался его единственной надеждой. Пусть Фань Сюэпин не мог тягаться силой с таинственным преследователем, но отвлечь врага и выиграть несколько драгоценных минут для восстановления меридианов ему было вполне по силам.

Фань Сюэпин подошел ближе. Глядя на бледное, истощенное лицо отца, он тихо спросил:

— Значит, ты использовал Марионетку-Двойника?

— Да... Но этот проклятый старик словно насквозь меня видит, — Хэ Чуншань со злобой

зыркнул на Хэ Сюэчжэня.

В то же мгновение Фань Сюэпин резко выбросил ладонь вперед. Его рука, окутанная зловещим темным туманом, с силой вонзилась прямо в грудь отца. На губах юноши заиграла кроткая улыбка:

— Какое счастье.

Хэ Чуншань застыл. Его глаза округлились от дикого, немого изумления.

Он готов был поверить во что угодно, но только не в предательство любимого сына. И не просто предательство — Фань Сюэпин бил наверняка, не оставляя шанса на спасение!

Ради этого мальчика он предал Даосский дворец Спокойной Мудрости, нажил смертельных врагов в лице клана Сыту и, даже будучи загнанным в угол, рисковал жизнью, чтобы вытащить его из лап Цуй Чжи и укрыть в Демонических землях! За что? Почему его безграничная отцовская любовь обернулась ударом в спину?

Душа Хэ Чуншаня закричала от невыносимой боли.

— Фань Сюэпин... Как ты мог?! — прохрипел он.

— Здесь нет ничего личного, отец, — ровным голосом ответил тот. — Ты решил принести мою голову в дар Чжао Чжэньчжэнь, чтобы заслужить ее прощение. Мне лишь пришлось нанести удар первым.

— Да как я мог убить тебя?! — Хэ Чуншань задыхался от ярости и бессилия. — Это была лишь уловка, чтобы обмануть ее! Идиот! Какой же ты идиот!

Ему хотелось избить неблагодарного щенка, но в его истощенном теле не осталось сил даже на то, чтобы убрать чужую ладонь от своей груди.

— Что ж, теперь это неважно, — равнодушно пожал плечами Фань Сюэпин. — Выпущенную стрелу назад не воротишь. Твоя смерть не будет напрасной, отец: я заберу твою силу себе и обязательно отомщу за тебя.

— Паршивый выродок! Знай я, какую змею пригрел, задушил бы еще в колыбели! — выплюнул старик. — Хэ Сюэчжэнь... Хэ Сюэчжэнь был в тысячу раз лучше тебя!

Лишь на пороге смерти Хэ Чуншань вспомнил о своем старшем сыне, который когда-то ловил каждое его слово.

Он ведь знал, как сильно тот мальчик нуждался в отцовском тепле.

Маленький Сюэчжэнь просыпался до рассвета и ложился далеко за полночь, без устали отрабатывая стойки и заставляя себя совершенствоваться. При встрече с отцом он упрямо хмурил пухлые щеки и чинно кланялся по всем правилам, но его большие ясные глаза сияли надеждой. Он так ждал простого ласкового слова, так хотел заслужить его одобрение.

Когда-то Хэ Чуншань действительно любил его.

Но с годами его ненависть к Чжао Чжэньчжэнь росла, затмевая прежние чувства к их общему сыну. А когда на свет появился Фань Сюэпин, вся неизрасходованная нежность окончательно перетекла к младшему сыну.

Кто же знал... Кто же мог подумать, какую роковую ошибку он совершил!

Темная энергия Фань Сюэпина бурлила, безжалостно вытягивая остатки духовных сил из тела Хэ Чуншаня. Жизнь стремительно покидала старика. Вряд ли он мог предположить, что запретная техника, которой он лично обучил сына, послужит его собственной гибелью.

Наконец Фань Сюэпин отнял ладонь. Хэ Чуншань мешком повалился на землю. Его затухающий взгляд горел яростной, бессильной ненавистью. Собрав последние крохи сил, он прохрипел:

— Тварь... Какая же ты гниль, Фань Сюэпин! Столько лет водить меня за нос... Каким же слепцом я был! Мне следовало все понять еще тогда, когда ты подтолкнул меня вырезать всю семью твоего родного дяди!

Фань Сюэпин лишь тихо рассмеялся в ответ:

— Ну что ты, отец. Я лишь прилежно усвоил твои же уроки. Разве не ты говорил мне: «Добрых топчут, слабых погоняют. Если не научишься быть жестоким — вечно будешь пресмыкаться у чужих ног»?

— Ты... гнусное отродье... — Хэ Чуншань захлебывался бессильной злобой. Исправить содеянное было уже невозможно. Он обреченно уставился в небо, заходясь хриплым кашлем: — Сюэчжэнь... Сын мой... Как же я виноват перед тобой! Лишь на пороге бездны я понял, кто заслуживал моей любви... Если небеса подарят нам шанс встретиться в следующей жизни, отец искупит всё...

Хэ Сюэчжэнь поморщился:

— Избавь меня от этой чести.

Голос Хэ Чуншаня оборвался на полуслове. Фань Сюэпин тоже резко обернулся, пораженный до глубины души.

Хэ Сюэчжэнь принял пилюлю, возвращающую истинный облик. Его черты разгладились, маскировка растаяла, открывая знакомое лицо. Посмотрев на умирающего отца, он сухо обронил:

— Слишком много пустой болтовни. Поберег бы дыхание.

Хэ Чуншань застыл, лишившись дара речи.

Этого не могло быть. Это противоречило здравому смыслу!

Человек, который раз за разом рушил его тщательно выстроенные планы... Тот, кто разгадал секрет «Шахматной доски Неба и Земли» и обрек его на позорное бегство...

Как это мог быть его брошенный, презираемый сын?!

Грудь Хэ Чуншаня судорожно вздымалась, из горла вырвался хриплый клекот. Он попытался сделать глоток воздуха, но тело не слушалось. С последним судорожным выдохом старик рухнул лицом в дорожную пыль и затих навсегда.

Хэ Сюэчжэнь удивленно приподнял бровь:

— Хм?

Неужели бывший глава ордена действительно испустил дух от одной только злости?

Сюэчжэнь подошел ближе и слегка коснулся носком сапога плеча Хэ Чуншаня, проверяя, целы ли искра жизни. Пульса не было.

Фань Сюэпин попятился на несколько шагов. Лихорадочно оценив свои шансы, он попытался сохранить лицо и злобно выплюнул:

— Хэ Сюэчжэнь! Считаю, сегодня тебе повезло! Я дарю тебе жизнь, но берегись нашей следующей встречи!

С этими словами он потянулся к рукояти меча.

Хэ Сюэчжэнь лениво перевел на него взгляд:

— Даруешь жизнь? Или твои каналы сейчас просто разрываются от чужой силы, которую ты так глупо заглотил? Хэ Чуншань был гораздо сильнее тебя, и сейчас твоя ци мечется в меридианах, грозя сжечь тебя изнутри. Тебе ведь просто не терпится поскорее скрыться и заняться медитацией, я прав?

Фань Сюэпин густо покраснел от злости — Сюэчжэнь ударил по самому больному месту.

Прежде чем соперник успел высвободить оружие, Хэ Сюэчжэнь привычным жестом активировал духовную печать на ладони. Из нее вихрем вырвался полупрозрачный силуэт:

— Куда же ты так торопишься, Фань Сюэпин? погоди, поздоровайся со старой знакомой.

Глаза воробьиного демона Линьюй горели яростным потусторонним пламенем:

— Фань Сюэпин! Настал час платить по долгам!

У Фань Сюэпина подкосились ноги. Линьюй! Эта тварь уже трижды разрушила его жизнь до основания! Сначала она открыла глаза Сыту Мин на его подлость, из-за чего та устроила на него охоту. Затем раскрыла его грязные делишки перед дядей и тетей, лишив их поддержки. И наконец, именно она выдала его обман Цуй Чжи, лишив последнего защитника и едва не отправив на тот свет!

Каждый его провал, каждое унижение и падение на самое дно были делом рук этой проклятой птицы!

Но теперь перед ним открылась страшная истина. Линьюй не была мстительным призраком, преследующим его из могилы. Ее душой все это время управлял Хэ Сюэчжэнь!

— Хэ Сюэчжэнь... Это ты! Это все время был ты! — с хрипом выдавил Фань Сюэпин.

Сюэчжэнь лишь мягко улыбнулся:

— Наконец-то до тебя дошло.

— За что?! За что ты так со мной?! — закричал Фань Сюэпин.

— Полно тебе, этот вопрос должен задавать я, — Хэ Сюэчжэнь сделал шаг вперед, и его взгляд стал холодным как лед. — С самого первого дня в Школе Наполненных Созвездий я оберегал тебя как младшего брата. А ты? Плел интриги за моей спиной, льстил в глаза и вонзал нож при малейшей возможности. От твоей фальши меня тошнило годами. Что же ты теперь скулишь? Думал, тебе одному дозволено бить в спину, а мне остается лишь безропотно подставлять шею?

<http://bllate.org/book/18268/1750912>